

Проблемы Старого света

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-106-124

Особенности наращивания военного потенциала ФРГ при К. Аденауэре и А. Меркель

Филипп Олегович ТРУНОВ

кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Отдел Европы и Америки, ЦНИИ глобальных и региональных проблем
Институт научной информации по общественным наукам РАН, 117997,
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, Российская Федерация
E-mail: 1trunov@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7092-4864

ЦИТИРОВАНИЕ: Трунов Ф.О. (2019) Особенности наращивания военного потенциала ФРГ при К. Аденауэре и А. Меркель // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 4. С. 106–124.
DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-106-124

Статья поступила в редакцию 25.06.2019.

АННОТАЦИЯ. В статье отмечается исключительная роль военного фактора во внешней политике прусского, а затем и германского государства. Указывается последовательное стремление ФРГ укрепить свое влияние и увеличить роль в Европе и мире еще с периода становления Боннской республики, приобретшее на современном этапе наиболее отчетливые формы. В ракурсе пересечения этих двух тенденций ставится вопрос о значении фактора военной мощи (в том числе эволюции форм его развита и использования) во внешнеполитической линии ФРГ. В статье предпринята попытка найти ответ посредством обращения к особенностям наращивания военно-политического потенциала страны в эры К. Аденауэра и А. Меркель, когда этот процесс приобретал повышенное значение и скорость развития. Изучаются меры К. Аденауэра по недо-

пущению в адрес ФРГ обвинений в ремилитаризации в период быстрого роста потенциала бундесвера: формула «растворения» бундесвера в союзнических военных структурах (прежде всего НАТО), концепция «стратегической сдержанности» и жесткое лимитирование «потолка» численности соединений. Исследуется эволюция этих элементов стратегической культуры ФРГ к началу «эры Меркель» и в ходе нее. Особое внимание в этой связи уделяется вопросам использования бундесвера вне зоны ответственности НАТО. Сравниваются особенности использования вооруженных сил ФРГ под эгидой Альянса, направленность и общая динамика его планируемого усиления в периоды канцлерства К. Аденауэра и А. Меркель. Делается вывод о степени преемственности двух канцлеров в области строительства вооруженных сил.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. *ФРГ, ремилитаризация, бундесвер, НАТО, Аденауэр, Меркель*

На протяжении практически всей новой и новейшей истории прусского, а затем и германского государства фактор военной мощи имел исключительное значение для внешнеполитических деятельности и планирования страны. Наличие, готовность и способность использовать мощный военно-силовой потенциал являлись важнейшей частью позиционирования Германии как европейской и тем более мировой державы, иллюстрацией чему являются эпохи Фридриха Великого (1740–1786), Второго (1871–1918) и Третьего (1933–1945) рейхов. В свою очередь, критическое ослабление военной мощи после подписания Версальского мира (1919) воспринималось в качестве основополагающего признака слабости Веймарской республики (1919–1933).

После окончания Второй мировой войны характер конфликтов, имеющих ярко выраженную силовую фазу, равно как и подход к использованию вооруженных сил существенно эволюционировали. Если до Второй мировой войны включительно все количественные характеристики – в первую очередь численность соединений, личного состава, единиц парка вооружений и военной техники (ВиВТ), площадь зоны боевых действий – лишь увеличивались, то затем стала наблюдаться противоположная тенденция. Одной из ключевых причин являлось осознание значения и последствий потерь всех видов в широкомасштабных конфликтах на основе опыта самой разрушительной войны в истории человечества и с учетом быстрого развития спектра вооружений, прежде всего массового поражения и уничтожения. Соответственно, в реалиях конца XX – начала XXI вв. в обратной пропорциональности с масштаб-

ным уменьшением всех количественных параметров вооруженных сил наблюдается рост военной и политической ценности одного отдельного взятого соединения (части, подразделения), а также широты выполняемых ими функциональных и географических задач. Так, развернутые НАТО в Восточной Европе или под эгидой ООН в Мали батальонные тактические группы выполняют задачи бригадного и даже дивизионного уровня применительно к реалиям «классической» «холодной войны». Соответственно, любое современное наращивание бундесвера имеет существенно большее значение, чем аналогичные по масштабам шаги, осуществленные в 1970-е или 1980-е гг.

Кроме того, с начала 1990-х гг. скорректировалось и целеполагание в области строительства вооруженных сил. С 1990-х гг. в мире и особенно в Европе первоочередной задачей становилось уже не только и не столько само ведение боевых действий (с максимальным засекречиванием особенностей подготовки к ним), но демонстрация самой способности делать это, притом максимально эффективно. В этой ситуации не только допустимо, но и необходимо обеспечение транспарентности при проведении учений и в целом реализации широкого круга мер по наращиванию военного потенциала. Иллюстрацией тому служит активное освещение в СМИ интенсифицированной военно-тренировочной деятельности стран «коллективного» Запада и России (а также увеличение числа военных инцидентов между ними) в условиях вступления их отношений в стадию конфронтации (с 2014 г.).

Неотъемлемой составляющей позиционирования страны в качестве дееспособного и тем более полновесного военного игрока является, особенно с начала 1990-х гг., участие вооруженных сил в обеспечении мира и без-

опасности в третьих *конфликтотенных* странах. Функционал такого использования весьма широк, включая преимущественно небоевые задачи (в первую очередь, мероприятия по миротворчеству и поддержанию мира, военно-тренировочной деятельности), все чаще сопряженные с точечным или как минимум весьма ограниченным с точки зрения масштаба боевым применением вооруженных сил.

Традиционно термин «поднимающая держава» употребляется применительно к государствам, расположенным за пределами Евро-Атлантического сообщества. Однако в списке его стран-участниц есть как минимум один пример игрока, последовательно усиливающего влияние и увеличивающего свою роль на мировой арене – это ФРГ. При этом истоки и отправная точка этого процесса уходят еще в период становления Боннской республики, т.е. «эру Аденауэра», а в наиболее отчетливой форме амбиции Германии проявляются в «эру Меркель» и, с высокой долей вероятности, будут продолжать реализовываться в эпоху пост-Меркель. Успешное движение к положению региональной и тем более глобальной державы невозможно без наличия, грамотного использования и развития мощного военного потенциала. Для Германии, с учетом ее исторической ответственности за развязывание Второй мировой войны, этот вопрос имеет особое звучание. Страна не может производить ОМП и ОМУ (ядерное, биологическое и химическое оружие), распоряжаться и владеть им, что в качестве добровольного обязательства было оформлено в договоре об окончательном урегулировании в отношении Германии (1990)¹. В

соответствии с этим документом ФРГ также принимала на себя обязательства по лимитированию максимального предела численности военнослужащих в 370 тыс., в том числе не более 345 тыс. в составе сухопутных войск и ВВС суммарно². Такие ограничения были весьма чувствительны для Германии в реалиях начала 1990-х гг. Однако, как уже отмечалось выше, в последующую четверть века наблюдалось масштабное сокращение (в ряде случаев на порядок) количественных характеристик вооруженных сил всех ведущих государств мира. Разумеется, эта тенденция затронула и ФРГ – бундесвер к середине 2010-х гг. оказался на отметке более чем в 2 раза (!) низкой по сравнению с «потолком», установленным договором об окончательном урегулировании. С учетом обозначенного выше роста ценности одной отдельной взятой части (соединения) это создает колоссальный задел для наращивания потенциала вооруженных сил ФРГ на обозримую перспективу.

Дважды ФРГ вставала перед необходимостью существенного наращивания военного потенциала – в 1950-е гг. и в середине – второй половине 2010-х гг., то есть в периоды канцлерства К. Аденауэра и А. Меркель. При этом в обоих случаях закладывались основы перспективного облика бундесвера с временным диапазоном как минимум на 15–20 лет. Де-факто в обоих случаях от результативности, правильно избранных форм и скорости создания вооруженных сил зависела дееспособность ФРГ и ее роль в Евро-Атлантическом сообществе (в том числе в НАТО) и мире в целом. При этом канцлеру-основателю Боннской республи-

1 Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г. (1994) // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Выпуск XLVII. М.: Международные отношения. С. 34–37.

2 Там же.

ки пришлось строить ее военный потенциал «с нуля», а первой бундесканцлерин – после длительного (25-летнего) масштабного сокращения личного состава и единиц парка ВиВТ. Вместе с тем в обоих случаях решение задачи облегчалось наличием «платформы» перспективных вооруженных сил. Для К. Аденауэра она была теоретической и исходила из использования передового военного опыта как Третьего рейха, так и западных держав (США, Великобритания и Франции), что позволило быстро (в течение 6–7 лет) «построить» эту «платформу», затем лишь наращивая ее. В «эру Меркель» таковая, составленная из войск, способных эффективно решать задачи как вдоль периметра зоны ответственности НАТО, так и на значительном удалении от нее, уже существовала. Однако перед обоими канцлерами попутно неизбежно вставала другая проблема, но уже политико-идеологического характера – избежать критики ФРГ в ремилитаризации.

Задача данной статьи – проведение компаративного анализа мер по обеспечению успешного наращивания военной мощи в периоды канцлерств К. Аденауэра и А. Меркель (и эпоху пост-Меркель). Основными методами исследования избраны ивент-анализ и сравнительный анализ значимых военных и политических шагов и мер.

Отечественными и западными, в первую очередь собственно германскими, исследователями опубликован большой массив работ по различным вопросам развития бундесвера [Von Bredow 2017; Kernic, Callaghan 2003; Warwick 2007]. Однако сама тематика наращивания военного потенциала ФРГ (прежде всего, из-за фактического табу на термин «ремилитаризация» в стране) нашла достаточно ограниченное освещение в этих трудах. Лишь с 2017 г. Министерство обороны Германии ста-

ло конкретизировать планы по переходу к модели развития перспективного бундесвера, основанной на планомерном росте всех его ключевых показателей. С учетом этого вопросы современного развития бундесвера и тем более его сопоставления с аналогичным процессом в «эру Аденауэра» хотя и стали разрабатываться активно [Glatz, Hansen, Kaim, Vorrath 2018; Glatz, Zapfe 2018], но все же изучены пока недостаточно. Вместе с тем подобные исследования существенно облегчили бы поиск ответа на вопрос о настоящей и перспективной роли военного фактора в реализации и планировании внешней политики ФРГ.

Дилемма масштабного наращивания военного потенциала и недопущение критики в ремилитаризации: способы разрешения

Образованная в 1949 г. Боннская республика своими создателями во главе с К. Аденауэром провозглашалась как государство, успешно осуществляющее процесс денацификации. С учетом ответственности Германии за развязывание Второй мировой войны перед ФРГ встали две крайне острые проблемы. Первая из них – создание собственных вооруженных сил, вторая – формы их возможного использования. В основе разрешения второй проблемы лежал принципиальный добровольный отказ Боннской республики от боевого наступательного применения своего военного потенциала. Любой пересмотр этого положения автоматически возвращал Германии статус агрессора и ставил под сомнение реальность осуществления денацификации.

Намечая путь решения первой проблемы, К. Аденауэр стремился максимально отойти от модели внутри- и

внешнеполитического развития Веймарской республики. С одной стороны, она в германской (и мировой истории) олицетворяла собой символ слабости и нестабильности. Так, на Веймарскую Германию были наложены жесткие *внешние* ограничения в вопросах численности личного состава, а также и разработки и производства весьма широкого спектра видов вооружений и военной техники (ВиВТ). С другой стороны, в период относительного подъема (во второй половине 1920-х гг., особенно благодаря усилиям министра иностранных дел Г. Штреземана) Веймарская республика осуществила отнюдь не провальную попытку сближения и даже вхождения в число «западных демократий» [Киссинджер 1997, с. 237–256], начавших оформляться как политический лагерь после Первой мировой войны. Иллюстрацией успехов этой линии стало подписание Локарнских соглашений (1925). Одной из ключевых целей политической линии, обозначенной Г. Штреземаном, являлось постепенная ремилитаризация Германии на основе консенсуса с западными союзниками. Результатами этой политики во многом воспользовался А. Гитлер (до 1936 г.), осуществлявший первые шаги по созданию вермахта – посредством наращивания и частично «доведения до ума» «платформы» перспективных вооруженных сил, созданных в Веймарской Германии – при фактическом попустительстве, а в ряде случаев и открытым согласием «западных демократий». Примером такой тактики служит британо-германское морское соглашение (1935) [Уткин 2000, с. 6–44].

Во *внутриполитической* сфере К. Аденауэр считал ключевой слабостью Веймарской республики отсутствие сильного, дееспособного партийно-политического Центра. Соответственно, задачами К. Аденауэра являлись, во-первых, обеспечение ориентирования максимально широкого спектра (в идеале – всех) политических сил и ведомого ими электората на центр как некую идеальную точку [Юдина 2019, с. 56–62]. Во-вторых, канцлер – основатель ФРГ стремился обеспечить успешное функционирование политической системы, основанной на ведущей роли двух центристских партий-«китов» – блока Христианского демократического союза (ХДС) и Христианского социального союза (ХСС) (как ключевой опоры) и Социал-демократической партии Германии (СДПГ). Несмотря на конкуренцию с христианскими демократами, наличие сильной центристской СДПГ было все же выгодно К. Аденауэру, так как позволяло обеспечить «поправление» не только электората фланговых «левых» политических сил (так, КПП потеряла статус парламентской партии, начиная с выборов в Бундестаг 2-го созыва)³, но и позиции социал-демократов по военным вопросам. СДПГ Боннской республики дрейфовала от идей пацифизма классических «левых». Акцентируя внимание на центризме, трактуемом как наличие общей заинтересованности в укреплении дееспособности Боннской республики, К. Аденауэр сумел в 1952–1954 гг. обойти противление большинства депутатов фракции СДПГ в Бундестаге⁴ в вопросе воссоздания национальных вооруженных сил и возвращения ко всеобщей воинской повинности

3 Ergebnisse der Bundestagswahlen // Wahlrecht // <http://www.wahlrecht.de/ergebnisse/bundestag.htm>, дата обращения 31.10.2019.

4 Архив Посла Степанова А.И. // ЦНИИ глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л. 123-о.

для их комплектования. Полвека спустя (1994) эта же схема была реализована канцлером Г. Коелем при обсуждении всеми тремя ветвями властями – Федеральным конституционным судом и Бундестагом по инициативе федерального правительства – вопроса о снятии ограничений на использование бундесвера вне зоны ответственности НАТО. Положительное решение было обеспечено в том числе благодаря поддержке большинства депутатов СДПГ (хотя небольшая их часть, как и в 1954 г., выступила жестко против) [The Bundeswehr 2009, pp. 38–39].

С учетом опыта «западных демократий» удалось создать политическую систему с доминированием двух народных партий-«китов» – демонстрируя восходящую динамику, блок ХДС/ХСС и СДПГ суммарно набирали 75–82% голосов в «эру Аденауэра»⁵ (начиная с выборов в Бундестаг 2-го созыва), что обеспечило канцлеру – основателю Боннской республики широкий консенсус по вопросам обороны. На этом фоне основным внешним препятствием на пути осуществления комплекса мер по созданию вооруженных сил ФРГ являлась необходимость избежать или минимизировать риск обвинений Боннской республики в ремилизации. В этой связи К. Аденауэр заложил три основополагающих принципа линии ФРГ в военно-политической сфере: «растворения», «стратегической сдержанности» и жесткого лимитирования числа соединений в бундесвере.

Принцип «растворения» бундесвера

Эта формула характеризует постоянное интегрирование вооруженных сил ФРГ в состав союзнических – в первую очередь войск НАТО, а также создаваемых общеевропейских военных сил. Так, из предельной планируемой численности сухопутногерманских войск (605 тыс. солдат и офицеров) свыше 80% (500 тыс.) должны были быть переданы под командование штабных структур НАТО – в первую очередь, это 12 дивизий наземных войск, 22 авиаэскадры, 2 оперативные флотилии⁶. Под национальным командованием оставались лишь территориальные войска и их штабы, ответственные за организацию обороны на местах в случае угрозы вторжения в ФРГ⁷. Де-факто они выполняли функции сил поддержки регулярных соединений, интегрированных в состав группировок НАТО. Тем самым Боннская республика, согласно замыслам К. Аденауэра, отказывалась от строительства национальных вооруженных сил в «классическом» понимании⁸. Необходимо отметить, что в соответствии с канонами прусской, а затем и германской стратегической культуры в принципе не допускалась возможность передачи собственных войск под командование какой-либо другой страны (группы стран).

Для образующих Евро-Атлантическое сообщество государств, особенно трех ведущих держав (США, Велико-

5 Ergebnisse der Bundestagswahlen // Wahlrecht // <http://www.wahlrecht.de/ergebnisse/bundestag.htm>, дата обращения 31.10.2019.

6 Armee im Kalten Krieg (2015) // Bundeswehr, February 5, 2015 // https://www.bundeswehr.de/portal/a/bwde/start/stre- itkraefte/grundlagen/geschichte/anfaenge/lut/p/z1/hU67DolwFP0WB9beKwREN5yEMJBAInQxBWBrBFepKBT9fDJ0JxL0dZ- w5QyIH2bGoFM63qmVx4Qb3b2Y-z2D7atuv5iOE-Sy5h5NqICNd_AbrYulEAla05FMvGYXvDhRQo0Aeb2lSMShvJDWHV5yEU- DetryRNVBasQARVSlv1oC8dXwDV_M411-SpF7kxZhhPFlo4zzMRSgnJSaU6C39VGjUayL-TMHT5jl4rpzjYvQhA73Ab/dz/d5/ L2dBISevZ0FBIS9nQSEh/#Z7_B8LTl29225680011TPHJ52005, дата обращения 31.10.2019.

7 Weissbuch 1985 zur Lage und Entwicklung der Bundeswehr. Im Auftrage der Bundesregierung herausgegeben vom Bundesminister der Verteidigung. Bonn: Bundesministerium der Verteidigung, Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, s. 195.

8 Архив Посла Степанова А.И. // ЦНИИ глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН. Ф. 1. О. 1. Д. 18. Л. 124-о.

британии и Франции) и стран Бенилюкса, это открывало возможность *эффективно* контролировать процесс восстановления мощи Западной Германии. Такое «включенное участие» (посредством использования управленческих структур с совместным членством) было несопоставимо выгоднее для всех сторон по сравнению с периодом Веймарской республики (1919–1933). В ту эпоху жесткие тактические меры оказались неэффективными (в том числе, вследствие выноса ключевых производств и развития технологий за пределами Германии – в Нидерландах, Швеции, СССР и Испании) и в итоге привели к стратегическим уступкам уже в пользу Третьего рейха. В свою очередь, Боннская республика получала возможность легально, то есть на основе консенсуса с западными державами (США, Великобритания, Франция), восстановить свою мощь. Особое внимание К. Аденауэр уделял полноценному участию западно-германской стороны в работе органов управления НАТО – как политических, так и военных. Введя офицеров бундесвера в штабы Альянса, руководство Боннской республики получало, в частности, возможность принимать участие в управлении военными контингентами западных держав и стран Бенилюкса, размещенными на территории ФРГ. С момента вступления страны в НАТО (1955) они меняли свой статус с оккупационных на союзнические, что позволило К. Аденауэру говорить об обрете-

нии Западной Германией формального суверенитета⁹ в военно-политической – применительно к данному вопросу наиболее чувствительной – сфере.

Даже в реалиях постбиполярного миропорядка у руководства Германии ограничены возможности влияния на изменение численности (особенно в сторону серьезного уменьшения) размещенных на территории страны союзнических контингентов. Страны Бенилюкса и Франция сократили численность своих войск на территории ФРГ до номинальных, близких к нулю показателей¹⁰. Отчасти это компенсируется наличием общих постоянно действующих двусторонних военных механизмов – с официальным Парижем (франко-германская бригада) и Амстердамом (1-й германо-нидерландский корпус, который является единственным объединением корпусного уровня в составе бундесвера). Качественно иной является ситуация с военным присутствием англо-саксонских держав. Вопреки ранее заявленным планам, Министерство обороны Великобритании отказалось от полного вывода своего контингента с территории ФРГ (даже в случае реализации Брекзита)¹¹. Уже при администрации Б. Обамы траектория военного присутствия США на территории Германии изменилась на 180°. Официальный Вашингтон перебросил в расположение своих войск на территории ФРГ крупную партию боевой техники, в первую очередь 250 танков¹². Вопреки

9 Там же. Л. 158-о.

10 Kleine Anfrage der Abgeordneten Andrej Hunko, Eva Bulling-Schröter, Dr. Alexander S. Neu, Wolfgang Gehrcke, Christine Buchholz, Annette Groth, Ulla Jelpke, Niema Movassat, JörnWunderlich und der Fraktion DIE LINKE. Verlegung von Ausrüstung, Fahrzeugen und Panzern für eine schwere US-Brigade nach Grafenwöhr und Mannheim // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/5604, 14.07.2015, s. 1–2.

11 Why Britain Will Keep Its Army in Europe after Brexit (2018) // The Local, October 1, 2018 // <https://www.thelocal.de/20181001/brtain-to-keep-army-presence-in-germany-after-brexite>, дата обращения 31.10.2019.

12 Kleine Anfrage der Abgeordneten Andrej Hunko, Eva Bulling-Schröter, Dr. Alexander S. Neu, Wolfgang Gehrcke, Christine Buchholz, Annette Groth, Ulla Jelpke, Niema Movassat, JörnWunderlich und der Fraktion DIE LINKE. Verlegung von Ausrüstung, Fahrzeugen und Panzern für eine schwere US-Brigade nach Grafenwöhr und Mannheim // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/5604, 14.07.2015, s. 1–2.

не согласованному с советниками заявлению Д. Трампа о необходимости сократить военное присутствие США на германской земле перед Брюссельским саммитом НАТО (2018), оно, наоборот должно, возрасти на 1,5 тыс. военнослужащих (до 35 тыс. солдат и офицеров) к концу 2020 г.¹³ С точки зрения автора, помимо «российской угрозы», сохранение и тем более наращивание военного присутствия англо-саксонских держав на территории ФРГ рассматривается ими как один из инструментов влияния на официальный Берлин. Одна из тактических задач этих действий – обеспечить увеличение военных расходов Германии до «планки» в 2% (установленной как обязательная к 2024 г. на Уэльском саммите НАТО, 2014), стратегическая цель – остановить или как минимум затормозить рост влияния ФРГ в Альянсе и в рамках евро-атлантической региональной подсистемы в целом.

В этой связи стоит отметить отсутствие германских военных баз на территории западных держав. При этом официальный Берлин на ротационной основе держит свои войска на военных базах как в Восточной Европе (аэродром Эмари, Эстония; военный городок в районе Рукла, Литва) под эгидой сил передового развертывания НАТО, так и на территории конфликтогенных стран Азии и Африки. В этой связи особо следует отметить базы «Мармаль» (г. Мазари-Шариф на севере Афганистана, под эгидой НАТО), «Геко» (г. Куликоро, центральная часть Мали, ЕС), «лагерь Кастро» (г. Гао на севере Мали, ООН)¹⁴. Формально на всех этих

объектах дислоцированы многонациональные силы под эгидой профильных международных структур, однако де-факто и в большинстве случаев де-юре бундесвер на этих базах выполняет функции «рамочного государства». Эта формула означает принятие руководства – как общего, так и в решении ключевых вопросов (осуществление охраны, логистики, технического обслуживания) и предоставления не менее 20–40% от общей численности личного состава и единиц вооружений и военной техники.

Формула «рамочного государства» является производением двух множителей: принципа «растворения» и стремления Германии к лидерству. В совокупности они были актуализированы в политической практике К. Аденауэром, достигнув в «эру Меркель» высокой степени отточенности.

Принцип «стратегической сдержанности»

В тесной корреляции с принципом «растворения» ФРГ применяет концепцию «стратегической сдержанности». В ее основе лежит принцип предельно взвешенного (во всяком случае де-юре) подходе к использованию своего военного инструментария с точки зрения последствий для системы международной безопасности в целом. Если принцип «растворения» был направлен на снятие опасений относительно ремилитаризации ФРГ только со стороны партнеров по Евро-Атлантическому сообществу, то концепция «стратегичес-

13 U.S. Military to Send 1,500 More Soldiers to Germany by late 2020 (2018) // Reuters, September 7, 2018 // <https://www.reuters.com/article/us-usa-military-germany/u-s-military-to-send-1500-more-soldiers-to-germany-by-late-2020-idUSKCN1LN299>, дата обращения 31.10.2019.

14 Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/8972, 03.04.2019, s. 6–12.

кой сдержанности» – весьма широкого круга акторов, в том числе за пределами «коллективного» Запада.

В «эру Аденауэра» идея «стратегической сдержанности» реализовывалась в виде добровольного отказа ФРГ от использования собственно боевых подразделений и частей (не говоря уже о соединениях и объединениях) вне зоны ответственности НАТО, а де-факто за пределами самой Германии. Тем самым, с одной стороны, Боннская республика в очередной раз демонстрировала принятие роли ведомого старшими партнерами в лице западных держав, которые активно использовали военно-силовой потенциал – в первую очередь, по традиционному назначению – за пределами Евро-Атлантического сообщества. С другой стороны, отказ от участия в затяжных и кровопролитных войнах в колониях и бывших колониях (в первую очередь, три индокитайские войны и война в Алжире) партнеров по НАТО дал Боннской республике значительные преимущества. Ее политическая система, равно как и экономика, не подверглась воздействию «шоков» – больших потерь, колоссальных финансовых издержек, ослаблению влияния института государственности власти как внутри, так и вовне. Напротив, доминирование позиций блока ХДС/ХСС и СДПГ усиливалось (к середине 1970-х гг. рейтинг их суммарной электоральной поддержки перешагнул рекордный показатель в 91%¹⁵), а бундесвер, чьи военнослужащие не сталкивались ни с «вьетнамским», ни с «алжирским» синдромами, стал играть роль «станового хребта» группировки НАТО в Европе. Соответственно, в 1960-е – середине 1970-х гг. в условиях некоторого ослабления мощи и влияния Евро-Атланти-

ческого сообщества в целом роль в нем ФРГ как в абсолютном, так и в относительном отношении возросла. При выстраивании диалога со странами «третьего мира» Боннская республика сфокусировала внимание на использовании экономического инструментария (углубление и разветвление внешне-торговых связей, предоставление официальной помощи развитию), в большинстве случаев де-факто применяя его в качестве «мягкой силы» и тем создавая основу для прочного хозяйственно-политического присутствия.

Образование «новой ФРГ», включившей в свой состав территории (и ресурсный потенциал) бывшей ГДР с согласия бывших держав-победительниц, в реалиях постбиполярного миропорядка актуализировало вопрос о применении бундесвера вне Европы. С 1991 г. правительство Г. Коля / Г.-Д. Геншера (блок ХДС/ХСС и СвДП) стало осуществлять это де-факто, а в 1994 г. была оформлена юридическая процедура использования германских военных вне зоны ответственности НАТО – под постоянным контролем Бундестага на основании запросов правительства [The Bundeswehr 2009, pp. 38, 52–58]. Ее успешное (формально без единого сбоя) функционирование позволило упростить (с 2005 г.) порядок получения исполнительной властью санкции на продление (даже в случае изменения списка задач и численности контингента бундесвера) миссии профильными комитетами и депутатским корпусом Бундестага в целом [The Bundeswehr 2009, p. 39]. Означали ли эти шаги отказ от концепции «стратегической сдержанности»? Нет, они привели лишь к ее серьезной эволюции. Начиная с «эры Коля», основу идеи «стратегической

15 Ergebnisse der Bundestagswahlen // Wahlrecht // <http://www.wahlrecht.de/ergebnisse/bundestag.htm>, дата обращения 31.10.2019.

сдержанности» составлял отказ от собственно боевого использования бундесвера за пределами Европы.

В 1990-е гг. ключевым направлением применения германских вооруженных сил вне зоны ответственности НАТО являлась территория распадавшейся Югославии. Для ФРГ активное участие в формировании постюгославского пространства – в том числе с помощью активного использования военного инструментария – стало средством возвращения «нормальности» во внешней политике. Бундесвер два раза (в Боснии и Герцеговине в 1995 г. и в Косово в 1999 г.) участвовал в военно-воздушных операциях НАТО. Однако масштаб этого собственно боевого участия был весьма ограниченным – доля люфтваффе как по числу авиамашин, так и по количеству самолетовылетов от общих для группировки НАТО показателей не превышал 10–15% (см.: [Gareis 2006]). При этом именно ФРГ выступала одним из инициаторов военно-политических кризисов и последующего применения силы «коллективным» Западом в случае Боснии и особенно Косово. В этой связи показательна и одна из ведущих ролей и масштаб участия ФРГ в развертывании и деятельности контингентов по миротворчеству и поддержанию в составе профильных миссий НАТО – в Боснии и Герцеговине (1995–2003 гг.), Косово (с 1999 г.), Македонии (2001–2003 гг.). На территории БиГ и Косово контингенты бундесвера на начальной стадии своего развертывания насчитывали от 3 до 8,5 тыс. военнослужащих, а ФРГ выделялся собственный сектор ответственности [The Bundeswehr 2009, pp. 63–73]. В Македонии в ходе операции НАТО «Essential Harvest» бундесвер принял на себя роль «рамочного государства» [Varwick 2007, pp. 771–772]. Представленные примеры, с нашей точки зрения, иллюстрируют приверженность ФРГ концепции

«стратегической сдержанности» даже на югославском направлении. Первоочередное внимание уделялось все же небоювому использованию бундесвера (в тесном сочетании с использованием политико-дипломатического инструментария). Оно, как и строго лимитированное собственно силовое применение германских войск (в Европе и мире впервые со времени окончания Второй мировой войны), целью имело утверждение ФРГ в международно признанной роли региональной державы.

С начала XXI в. Германия стала следовать по пути превращения в полноценного глобального игрока. Неотъемлемой составляющей этого процесса стало резкое расширение географии и увеличение масштабов использования бундесвера за пределами Европы – в основном, в конфликтогенных странах Азии и Африки. С начала 2000-х гг. одним из основных направлений стал Афганистан, во второй половине 2000-х гг. к таковым относился Ливан, а с середины 2010-х гг. в их число вошло Мали. Усилия бундесвера были сосредоточены на реализации мер по миротворчеству и поддержанию мира, а также военно-тренировочной деятельности. Действуя исключительно в составе коалиционных миссий (на основе мандатов и под эгидой профильных международных структур), бундесвер стремился играть повышенную роль в работе штабов («мозга» операций) и осуществлении тактической разведки, в том числе применяя для этого беспилотную летательную технику (преимущественно германского производства). К середине 2010-х гг. отчетливо вырисовалась модель применения бундесвера в зонах наиболее значимых (как с военной, так и с политической точек зрения) вооруженных конфликтов. На первых этапах их урегулирования бундесвер выполнял задачи по «разгрузке» партнеров по НАТО и ЕС, чьи войска

непосредственно вели боевые действия с наиболее радикальными сторонами вооруженных конфликтов – в первую очередь, структурами международного терроризма. В условиях нанесения им поражения (но отнюдь не разгрома) бундесвер постепенно (по прошествии 2–4 лет) принимал на себя функции «рамочного государства» как в деятельности по поддержанию мира, так и в реформе сектора безопасности стран, стремящихся выйти на путь постконфликтного развития. Территориально обычно зона повышенной ответственности германских военных ограничивалась 3–6 провинциями. За пределами Европы наиболее отчетливо данная модель была реализована в Афганистане (под эгидой НАТО с 2001 г., переход к фазе наращивания усилий с 2003 г. [Hett 2005, pp. 12–18]) и Мали (в рамках деятельности ООН и ЕС с 2013 г., фаза резкого увеличения активности с 2016 г. [Hanish 2015, pp. 1–2]). Эта схема, основанная на желательности применения бундесвера исключительно в небоевых формах, являлась практической реализацией идеи «стратегической сдержанности», т.е. максимально взвешенного подхода к использованию бундесвера. Ее значимость для политики ФРГ в области обороны и безопасности объяснялась, во-первых, исторической ответственностью Германии за развязывание Второй мировой войны. Во-вторых, в реалиях зрелой парламентской республики на первый план выходила необходимость получить мандат Бундестага, что было крайне сложно, на проведение силовых действий в отсутствие явной экзистенциальной угрозы для самой ФРГ, и не допустить его отзыва.

Вместе с тем в Афганистане и в Мали перед бундесвером возникает дилемма: либо согласиться на боевое применение (чреватое относительно большими летальными потерями), либо вывести войска из зон конфликтов, тем перечеркнув достигнутые результаты в области стабилизации. Актуализация этой проблемы обусловлена практической сложностью полного разгрома структур международного терроризма и их возможности к перегруппировке, в т.ч. к переходу от вертикальных форм организации к горизонтальным и наоборот. Как показывает практика, вновь созданные правительственные силы безопасности не обладают ни достаточной боеспособностью, ни численностью для разгрома радикальных сил. Соответственно, это требует наращивания усилий по военно-тренировочной деятельности (с обеспечением присутствия военных советников в войсках, ведущих боевые действия) формирований из местных уроженцев и параллельно силового применения миротворческих контингентов – в том числе, для защиты своих военнослужащих. В обоих случаях (в Афганистане и Мали) наблюдается наращивание Германией контингентов, переброска дополнительных парков новейшей боевой и разведывательной техники на военные базы ФРГ¹⁶. Показательна интенсификация их посещения в 2018–2019 гг. профильными федеральными министрами – иностранных дел Х. Маасом и обороны У. фон дер Ляйен. Эти шаги указывают на готовность официального Берлина не только де-факто, но и де-юре пойти на изменение формата миссий в сторону включения боевой составляющей. Причем во время инспек-

16 Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/8972, 03.04.2019, s. 6–12.

ционной поездки в Афганистан в марте 2019 г. глава внешнеполитического ведомства Х. Маас подчеркнул готовность сохранить германское военное присутствие в рамках миссии «Resolute Support» НАТО в северных афганских провинциях даже в случае возможного вывода войск США¹⁷. С высокой долей вероятности это будет означать новый этап эволюции идей «стратегической сдержанности» применительно к использованию бундесвера вне зоны ответственности Альянса.

В военно-политической плоскости Германия также стремилась придерживаться «стратегической сдержанности». В 2014 г. это проявилось в ее отказе от активного использования бундесвера в военных учениях НАТО в Восточной Европе, интенсивность которых резко возросла. Вторым проявлением, уже на протяжении середины – второй половины 2010-х гг., стало серьезное отставание ФРГ от США в темпах и, главное, масштабах развертывания наземного военного присутствия (на ротационной основе) под эгидой НАТО – как в восточноевропейском регионе, так и в Скандинавии. Так, Белый дом (что продемонстрировало преимущество действий администраций Б. Обамы и Д. Трампа) в 2014–2019 гг. увеличил свои силы в Польше, а также странах Балтии и Румынии с пяти ротных тактических групп до тяжелой «бригады» и «ядра» батальонной тактической группы (БТГ) (к которой в 2020 г. добавится еще одна БТГ)^{18, 19}. На севере

Норвегии группировка США (создана в 2017 г., удвоена в 2018 г.) была доведена до БТГ морской пехоты²⁰. На этом фоне вклад ФРГ в усиление сил передового развертывания НАТО (т.е. первого стратегического эшелона войск Альянса) невелика – бундесвер принял на себя функции «рамочного государства» в комплектовании многонациональной БТГ СПР НАТО на территории Литвы²¹. Это, согласно нашим расчетам, составляет лишь 5–6% (!) от численности контингентов США (и аналогично в отношении количества единиц вооружений и военной техники) в составе СПР НАТО по сухопутным войскам. Частично это компенсируется весьма активным и сопоставимым с США участием ФРГ в комплектовании военно-морских (суммарно четыре группы надводных кораблей и планируется развертывание одной из подводных лодок) [Major 2018, р. 4] и военно-воздушных (одна миссия в странах Балтии) группировок сил передового развертывания НАТО. По объему вклада в создание штабной инфраструктуры Германия даже опережает своего заокеанского партнера.

Однако это лишь оттеняет общую колоссальную разницу масштаба участия двух держав в развитии СПР на фоне того, что ФРГ последовательно стремится к усилению своего влияния в НАТО. Приведенный показатель (5–6% от США по наземным войскам) резко контрастирует с вкладом бундесвера в развитие первого страте-

17 Außenminister Heiko Maas wirbt für Afghanistan-Mission (2019) // Frankfurter Allgemeine, March 11, 2019 // <https://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/ausserminister-heiko-maas-wirbt-fuer-afghanistan-mission-16082574.html>, дата обращения 31.10.2019.

18 См.: Warsaw Summit Communiqué (2016) // NATO, July 9, 2016 // https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm, дата обращения 31.10.2019.

19 Tucker P., Williams K.B. (2019) US to Send 1,000 More Troops to Poland // Defense One, June 12, 2019 // <https://www.defenseone.com/politics/2019/06/us-send-1000-more-troops-poland/157635/>, дата обращения 31.10.2019.

20 US Doubles Number of Marines Stationed in Norway (2018) // The Local, August 15, 2018 // <https://www.thelocal.no/20180815/us-to-double-number-of-marines-in-norway>, дата обращения 31.10.2019.

21 Wenig Resonanz auf Propaganda (2017) // Tagesschau, June 16, 2017 // <https://faktenfinder.tagesschau.de/ausland/bundeswehr-litauen-107.html>, дата обращения 31.10.2019.

гического эшелона войск Альянса в годы «первых изданий» холодной войны. Тогда доля войск Боннской республики составляла не менее 50% от его общей численности [Fleckenstein 1990, pp. 1–5], и они играли роль «станового хребта». Сектора ответственности четырех западногерманских корпусов перемежались («накладывались» друг на друга для упрочения стыков войск) с зонами оперирования соединений войск западных держав (США, Великобритания, Франция) и стран Бенилюкса на территории ФРГ [The Bundeswehr 2009, p. 14].

Чем обусловлена представленная разница? Во-первых, в реалиях нынешней холодной войны ФРГ уже не находится на передовой противостояния, а следовательно, совсем по-иному воспринимает гипотетические угрозы безопасности. Во-вторых, как уже отмечалось выше, потенциал бундесвера к середине 2010-х гг. существенно сократился по сравнению с периодом конца 1980-х гг. Еще более значимо то, что силы общего назначения (к которым относился весь западногерманский бундесвер периода 1955–1990 гг.) с начала 1990-х гг. стали объектом постоянных сокращений (как личного состава, так и числа единиц ВиВТ). Внимание было сфокусировано на создании относительно небольших (эквивалентных 1–2 бригадам) высококомобильных сил кризисного реагирования, способных оперативно развернуться и выполнять широкий круг задач вне зоны ответственности Альянса. Во второй половине 2010-х гг. в ходе очередного этапа военной реформы на первый план вновь была поставлена задача усиления войск общего назначения, однако подобный

(и в количественном и в качественном отношении) разворот германской «военной машины» требует определенного времени. И все же, с нашей точки зрения, ключевой является третья причина – стремление ФРГ к максимальной гибкости и политической эффективности использования военного инструментария в рамках НАТО. Иллюстрация тому – исключительное внимание, которое отводит официальный Берлин принятию бундесвером роли «рамочного государства» уже в кратко- и среднесрочной перспективе в деле комплектования и деятельности сил быстрого реагирования (СБР) Альянса – его второго стратегического эшелона, размещенного в глубине (а не вблизи границ РФ, как в случае СПР). ФРГ поддержала комплекс решений сентября 2014 г. – февраля 2015 г. об увеличении СБР с 15 до 40 тыс., притом что именно в этот период на бундесвер (а также вооруженные силы Нидерландов и Норвегии) была возложена ключевая нагрузка за комплектование СБР. В нарушение установленной первоначально (2014) очередности Германия не с осени 2021 г., а уже с 1 января 2019 г. приняла на себя роль «рамочного государства» в комплектовании бригады сверхповышенной боевой готовности СБР²² – их «острия копья». Согласно официальным планам строительства вооруженных сил, уже к концу 2023 г. в составе бундесвера должно быть создано профильное соединение (с приданными ему германскими же компонентами поддержки: военно-морской, военно-воздушной, сил специальных операций и киберобороны), способное на постоянной основе выполнять функции бри-

22 Germany Steps up to Lead NATO High Readiness Force (2019) // NATO, January 1, 2019 // https://www.nato.int/cps/ie/natohq/news_161796.htm?selectedLocale=en, дата обращения 31.10.2019.

23 Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei volle Divisionen bekommen (2017) // Deutscher BundeswehrVerband, April 19, 2017 // www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/, дата обращения 31.10.2019.

гады сверхповышенной боевой готовности СБР Альянса²³.

К 2027 г. в наземных войсках Германии в дополнение к двум имеющимся «тяжелым» (и одной «легкой», т.е. СКР) дивизиям появится еще одна «тяжелая» дивизия. Другое такое же соединение (и еще одно «легкое») должно быть развернуто к 2032 г. В тесной связи с наращиванием сухопутных войск находится развитие марине и люфтваффе²⁴. Указанные меры в области строительства вооруженных сил – в первую очередь, сухопутных – должны позволить ФРГ играть роль «рамочного государства» при развертывании группировок СБР (в том числе в случае увеличения их формальной численности до 60–70 тыс. военнослужащих) в целом, а также СПР. При этом с высокой долей вероятности Германия будет достаточно медленно наращивать свое наземное ротационное присутствие в Восточной (и тем более создавать его в Северной) Европе. Официальный Берлин отладил военно-логистические цепочки (что показали учения «Anakonda 2016» в Польше и «Trident Juncture 2018» в Норвегии²⁵), что позволяет быстро выдвигать массы личного состава и техники бундесвера из глубины зоны ответственности НАТО в необходимом направлении без их регулярного нахождения там. Схематически этот подход (в основе которого лежит преимущественное использование бундесвера в составе второго, а отнюдь не первого стратегического эшелона Альянса) в корне отли-

чается от того, что применялся во время «первых изданий» холодной войны. Однако оба они направлены на достижение единой цели – увеличение военной роли ФРГ в НАТО в условиях роста потенциала бундесвера, что сопряжено с подъемом политического веса Германии в Альянсе. Иллюстрация тому – особая, то есть отличная от США, линия официального Берлина в широком спектре военных вопросов, в том числе пресловутом росте военных расходов до отметки в 2% от ВВП. Германия встала на путь последовательного роста всех своих военных показателей – в том числе ассигнований в увязке с динамикой увеличения численности личного состава и единиц ВиВТ собственных войск, но абсолютно не готова принять навязывание Белым домом скорости и результатов этих процессов.

Рост потенциала бундесвера должен обеспечить увеличение объемов его использования не только под эгидой НАТО, но и под эгидой ЕС. Как показал запуск платформы PESCO в ноябре 2017 г. (с увеличением числа проектных комитетов в 2 раза в ноябре 2018 г.)²⁶, направленной на углубление сотрудничества в военно-технической области и использования национальных вооруженных сил, по инициативе германо-французского тандема, официальный Берлин заинтересован в развитии потенциала «стратегической автономии» ЕС. Соответственно, часть вновь создаваемых подразделений и частей бундесвера (особенно из числа «легких» бригад и

24 Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei volle Divisionen bekommen. 19.04.2017. // www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/, дата обращения 31.10.2019.

25 Trident Juncture 2018: Die logistische Rückführung (2018) // Bundeswehr, November 16, 2018 // https://www.bundeswehr.de/portal/a/bwde/start/aktuelles/aus_der_truppe/lut/p/z1/hY_NCoMwEITfyI2KSXo0SIs0aOm_uZSgwVpsliGVHvrvjRS8SfcwsDO737lg4pCy7FrpeuMlr3vK4FvjPlj1ZRx8UoZwXtEwiFClawxku_0aEj9FCpQgOjYlKkM8gio8RwAAGIUUFtHKTQqVd57W10hkbDMA6fke1vok6BqoUjixkMynwg_D203MMSFZzvY8CFH-Z53ZT09DdVd6qZXO1OnP2N4rmlRJOXRxWM9Q!!/dz/d5/L2dBISevZ0FBIS9nQSEh/#Z7_B8LTL2922LU800ILN8O52010O6, дата обращения 31.10.2019.

26 Permanent Structured Cooperation (PESCO) updated list of PESCO projects – Overview – 19 November 2018 Project and Countries Part (2018) // European Union // <https://www.consilium.europa.eu/media/37028/table-pesco-projects.pdf>, дата обращения 31.10.2019.

дивизий) планируется к использованию в составе многонациональных БТГ ЕС, а также имеющихся и вновь создаваемых его миссий по миротворчеству, поддержанию мира и военно-тренировочной деятельности за пределами Евро-Атлантического сообщества²⁷.

Именно эти составляющие являются осевыми в рамках очередного этапа военной реформы, проводимой А. Меркель.

Принцип жесткого лимитирования числа соединений

В этой связи необходимо отметить еще один принцип, направленный на недопущение обвинений ФРГ в ремилитаризации, – строгое ограничение числа соединений, в первую очередь дивизий (и бригад) наземных войск. С этой точки зрения планы по строительству вооруженных сил отличались исключительной точностью и выверенностью еще с первых лет существования Боннской республики. К. Аденауэр обозначил интерес к созданию 12 дивизий наземных войск²⁸, – небезынтересно, что этот показатель в дальнейшем не вырос (!), сокращаясь с начала 1990-х гг. Очевидно внутреннее противоречие: новые соединения не создаются, а численность бундесвера постепенно, но неуклонно продолжает возрастать²⁹. Решение противоречия кроется в увеличении всех количественных показателей (и, следовательно, совокупной боевой мощи) одной отдельно взятой дивизии (бригады) – в

сухопутных войсках их расчетная численность к концу 1990-х гг. доходила до 25–30 тыс. и 8–10 тыс. соответственно (!). Таким образом, западногерманский бундесвер был армией «больших» полков, бригад и дивизий, каким он был запрограммирован в «эру Аденауэра», что в полной мере соответствовало и принципам военного строительства НАТО в целом.

Эта особенность, с одной стороны, позволяла демонстрировать «ограниченность» военного потенциала ФРГ, особенно в сравнении с Третьим рейхом. Уже на момент нападения на СССР вермахт имел 214 дивизий сухопутных войск, в том числе 20 танковых и 15 моторизованных [Чуйков, Рябов 1984, с. 14]. В свою очередь, в разгар холодной войны из 12 дивизий бундесвера 6 были танковыми, 4 мотопехотными, а также имелось по одной горнострелковой и воздушно-десантной³⁰. Разумеется, при проведении подобных сравнений замалчивались факты почти двукратного преимущества дивизии в бундесвере перед вермахтом по численности личного состава, а также наличие бронетанковых частей и в составе мотопехотных дивизий, чего в вермахте не было. С другой стороны, эта «ограниченность», особенно в глазах западной общественности, контрастировала с существенно превосходящим числом дивизий Советской Армии (и тем более с учетом ее союзников по ОВД) в Восточной Германии (не говоря уже о Восточной Европе в целом). При этом опять же замалчивался факт, что советские полки и дивизии (последние в

27 Zurück zur Kernaufgabe. Neue Struktur der Bundeswehr (2018) // Tagesschau, September 3, 2018 // <https://www.tagesschau.de/inland/bundeswehrprofil-101.html>, дата обращения 31.10.2019.

28 Архив Посла Степанова А.И. // ЦНИИ глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л. 124-о.

29 Financial and Economic Data Relating to NATO Defence (1970–1991). Press Release M-DPC-2(91)105 (1991) // NATO, December 12, 1991 // https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_1991_12/20100827_1991-105.pdf, дата обращения 07.06.2019.

30 Weissbuch 1985 zur Lage und Entwicklung der Bundeswehr. Im Auftrage der Bundesregierung herausgegeben vom Bundesminister der Verteidigung. Bonn: Bundesministerium der Verteidigung, Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 1985, s. 195.

большинстве своем не имели бригадного звена) – это «малые» соединения, в 2–4 уступавшие западногерманским аналогам по численности личного состава и единиц ВиВТ.

Сохранение и развитие концепции «больших» бригад и дивизий наблюдается в ФРГ на современном этапе развития вооруженных сил. Так, общее количество дивизий в бундесвере к середине 2030-х гг. увеличится с 3 до 6, то есть лишь вдвое, и останется в два раза ниже отметки 1990 г., притом что совокупный потенциал сухопутных войск должен возрасти в 3–5 раз. Примечательно, что как имеющиеся, так и вновь создаваемые бригады (количество которых увеличится с 7 нынешних до 15–17) станут межвидовыми. Это положение означает, что при наращивании имеющегося штатного танкового или мотопехотного (в зависимости от вида соединения) «ядра» в их состав будут интегрированы дополнительные компоненты – огневая (артиллерия), военно-воздушная, сил специальных операций, киберобороны, а также при возможности и военно-морская³¹. Эта мера приведет к увеличению численности бригад (и тем более дивизий) как минимум на 15–20%, что, как и в «эру Аденауэра», останется в тени в пользу освещения роста числа дивизий у держав за пределами Евро-Атлантического сообщества, в том числе России.

Заключение

Для ФРГ, как и для прусско-германского государства, рост потенциала вооруженных сил, расширение географического диапазона и эффективности их использования являлись неотъ-

емлемой и крайней важной составляющей движения по пути увеличения своего влияния и роли на мировой арене, что особенно отчетливо проявилось в периоды канцлерств К. Аденауэра и А. Меркель. При этом данный процесс осуществлялся в формах, сильно отличавшихся от принятых в периоды существования Прусского королевства, Второго и Третьего рейхов.

Политико-военные контуры ремилитаризации ФРГ в «эру Меркель» и эпоху пост-Меркель являются глубоко эволюционировавшими формами аналогичного процесса в канцлерство К. Аденауэра. Нарастивая свой военный потенциал, ФРГ, во-первых, позиционировала себя органичной частью «коллективного» Запада, обеспечивая поддержку (или как минимум вынужденное согласие) партнеров по Евро-Атлантическому сообществу на наращивание своих вооруженных сил. На достижение этой цели был направлен широкий комплекс мер по реализации формулы «растворения» (и выкристаллизовавшаяся из нее идея «рамочного государства») и концепции «стратегической сдержанности». Во-вторых, официальный Бонн/Берлин стремился в условиях наращивания своего военного потенциала избежать чрезмерного раздражения и контрмер со стороны стран, расположенных за пределами Евро-Атлантического сообщества. Для этой цели реализовывались меры в рамках концепции «стратегической сдержанности» и жесткого лимитирования числа соединений.

Опираясь на указанные принципы, К. Аденауэр в реалиях «первых изданий» холодной войны сумел достаточно быстро (основная фаза – 6–7 лет) осуществить ремилитаризацию ФРГ. С

31 Zurück zur Kernaufgabe. Neue Struktur der Bundeswehr (2018) // Tagesschau, September 3, 2018 // <https://www.tagesschau.de/inland/bundeswehrprofil-101.html>, дата обращения 31.10.2019.

учетом резко возросших на всех уровнях (прежде всего евро-атлантической региональной подсистемы и глобальном) веса и влияния А. Меркель и ее преемникам будет в целом легче обеспечивать как минимум нейтральное отношение к наращиванию мощи ФРГ. Этому будет способствовать и его плавный (в течение 12–15 лет) характер, и накопленный опыт применения принципов, заложенных К. Аденауэром.

Список литературы

- Киссинджер Г. (1997) Дипломатия. М.: Ладомир.
- Уткин А.И. (2000) Россия над бездной. 1918 г. – декабрь 1941 г. Смоленск: Русич.
- Чуйков В.И., Рябов С.В. (ред.) (1984) Великая Отечественная 1941–1945 гг. М.: Планета.
- Юдина Т.В. (2019) В поисках политического центра: Новое профилирование германских партий и борьба за понятия // Актуальные проблемы Европы. № 4. С. 55–77 // https://elibrary.ru/download/elibrary_37402935_76221139.pdf, дата обращения 31.10.2019.
- Fleckenstein B. (1990) Fremde Truppen im Vereinigten Deutschland – Gegenwärtige Situation und künftige Aussichten // SOWI-Arbeitspapier. Nr. 44.
- Gareis S.B. (2006) Deutschlands Außen- und Sicherheitspolitik, Opladen: Verlag Barbara Budrich.
- Glatz R.L., Hansen W., Kaim M., Vorrath J. (2018) Die Auslandseinsätze der Bundeswehr im Wandel. Stiftung Wissenschaft und Politik, Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit // https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/studien/2018S07_kim_EtAl.pdf, дата обращения 31.10.2019.
- Glatz R.L., Zapfe M. (2018) Ambitionierte Rahmennation: Deutschland in der NATO // SWP-Aktuell, no 62, pp. 1–8 // https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/aktuell/2017A62_glt_Zapfe.pdf, дата обращения 31.10.2019.
- Hanish M. (2015) A New Quality of Engagement Germany's Extended Military Operation in Northern Mali // Bundesakademie für Sicherheitspolitik. Security Policy Working Paper, no 8, pp. 1–5 // https://www.baks.bund.de/sites/baks010/files/working_paper_security_policy_8_2015.pdf, дата обращения 31.10.2019.
- Hett J. (2005) Provincial Reconstruction Teams in Afghanistan. Das amerikanische, britische und deutsche Modell, Zentrum für Internationale Friedenseinsätze.
- Kernic Fr., Callaghan J. (2003) Armed Forces and International Security: Global Trends and Issues, Münster: Lit Verlag.
- Major C. (2018) Ein schwieriger Gipfel für NATO // SWP-Aktuell, no 33, pp 1–4 // <https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/aktuell/2018A33-mjr.pdf>, дата обращения 31.10.2019.
- The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad (2009), Berlin: Federal Ministry of Defense.
- Varwick J. (2007) Bundeswehr // Handbuch zur deutschen Außenpolitik (Hrsg. Schmidt S., Hellmann G., Wolf R.), Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften/GWV Fachverlage GmbH, s. 247–258.
- Von Bredow W. (2017) Die Geschichte der Bundeswehr, Berlin: Palm Verlag.

Problems of the Old World

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-106-124

The Features of Strengthening of German Military Potential by Adenauer and Merkel

Philipp O. TRUNOV

PhD in Politics, Senior Researcher, Department of Europe and America, Center of Global and Regional Studies

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), 117997, Nakhimovskiy Prospect, 51/21, Moscow, Russian Federation

E-mail: 1trunov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7092-4864

CITATION: Trunov Ph.O. (2019) The Features of Strengthening of German Military Potential by Adenauer and Merkel. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 4, pp. 106–124 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-106-124

Received: 25.06.2019.

ABSTRACT. *The article notes special role of military power factor in foreign policy of Prussian state and then German one. The paper also notes consistent willingness of FRG since period of Bonner Republic to strengthen its influence and increase its role. This movement has been becoming the most distinct during the modern period. Based on the crossing of these tendencies the article sets the question about the importance of factor of military power (and the evolution of the forms of its development and usage) for German foreign policy. The scientific paper tries to find the answer based on exploration of German military potential during of Konrad Adenauer's and Angela Merkel's eras when this process had been becoming special importance and rapidness. The article explores Adenauer's measures aimed at shunning of German critics in re-militarization during period of full-scale Bundeswehr growing. These measures are: formula of „dis-*

solving,, of Bundeswehr in allied military structures (first of all NATO), the concept of „strategic containment,, and limitation of the number of military formations. The article explores the evolution of these elements of German strategic culture by the beginning of Merkel's era and during this period. In this regard the paper pays special attention to Bundeswehr usage outside NATO's area of responsibility. The research compares the features of Bundeswehr usage in NATO military groups, the direction and dynamics Bundeswehr growing during Adenauer's and Merkel's rules. The article concludes about the degree of succession between the lines of two Chancellors in the sphere of armed forces building.

KEY WORDS: *Germany, re-militarization, Bundeswehr, NATO, Adenauer, Merkel*

References

- Chuikov V., Ryabov S. (eds.) (1984) *Great Patriotic War of 1941–1945*, Moscow: Planeta (in Russian).
- Fleckenstein B. (1990) Fremde Truppen im Vereinigten Deutschland – Gegenwärtige Situation und künftige Aussichten. *SOWI-Arbeitspapier*. Nr. 44.
- Gareis S.B. (2006) *Deutschlands Außen- und Sicherheitspolitik*. Germany, Oppladen: Verlag Barbara Budrich.
- Glatz R.L., Hansen W., Kaim M., Vorrath J. (2018) *Die Auslandseinsätze der Bundeswehr im Wandel. Stiftung Wissenschaft und Politik*, Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit. Available at: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/studien/2018S07_kim_EtAl.pdf, accessed 31.10.2019.
- Glatz R.L., Zapfe M. (2018) Ambitionierte Rahmennation: Deutschland in der NATO. *SWP-Aktuell*, no 62, pp. 1–8. Available at: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/aktuell/2017A62_glt_Zapfe.pdf, accessed 31.10.2019.
- Hanish M. (2015) A New Quality of Engagement Germany's Extended Military Operation in Northern Mali. *Bundesakademie für Sicherheitspolitik*. Security Policy Working Paper, no 8, pp. 1–5. Available at: https://www.baks.bund.de/sites/baks010/files/working_paper_security_policy_8_2015.pdf, accessed 31.10.2019.
- Hett J. (2005) *Provincial Reconstruction Teams in Afghanistan. Das amerikanische, britische und deutsche Modell*, Zentrum für Internationale Friedenseinsätze.
- Kernic Fr., Callaghan J. (2003) *Armed Forces and International Security: Global Trends and Issues*, Münster: Lit Verlag.
- Kissinger H. (1997) *Diplomacy*, Moscow: Ladomir (in Russian).
- Major C. (2018) Ein schwieriger Gipfel für NATO. *SWP-Aktuell*, no 33, pp 1–4. Available at: <https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/aktuell/2018A33-mjr.pdf>, accessed 31.10.2019.
- The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad* (2009), Berlin: Federal Ministry of Defense.
- Utkin A.I. (2000) *Russia over the Abyss. 1918 – December 1941*, Smolensk: Rusich (in Russian).
- Varwick J. (2007) *Bundeswehr. Handbuch zur deutschen Außenpolitik* (Hrsg. Schmidt S., Hellmann G., Wolf R.), Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften/GWV Fachverlage GmbH, s. 247–258.
- Von Bredow W. (2017) *Die Geschichte der Bundeswehr*, Berlin: Palm Verlag.
- Yudina T.V. (2019) The Process of “Political Center” Search: New Profiles of the German Parties and the Struggle for the Concept. *Current Problems of Europe*, no 4, pp. 55–77. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_37402935_76221139.pdf, accessed 31.10.2019 (in Russian).